

Римма Маркова: ДЕВОНЬКА ИЗ ПЕНЫ МОРСКОЙ

Мама моя, Мария Петровна, родилась в глухой сибирской деревне в большой семье, где были одни девки — все мелкие, рыжие, кривоногие, конопатые. Одна мать — высокая и статная. Такой была бабушка, ее мать, а дед — на голову ниже и рыжий. Так все дети, кроме мамы, в него пошли.

А поскольку она была здоровая, ее больше всех заставляли работать — и младших нянчить, и за коровами ходить, и в поле пахать. В страду маму даже отдавали в помощь другим семьям, такой она была работящей.

— **И красивой?**

— Да ее уже с 14 лет сватали!

Потому что она не только пахала за двоих мужиков, а еще и первой красавицей была — белая коса с кулак толщиной до самой попы и кожа белая-белая, как у дворянки какой. И еще она отличалась непомерной гордостью, вот уж не знаю, хорошо это или плохо, только гордость эта тоже мне по наследству досталась.

— **Вы с мамой были откровенны?**

— Это уж под старость ее, когда я родителей привезла в Москву, она много мне про свою жизнь рассказывала...

Сватали ее многие, а ей приглянулся один красавец. Мама влюбилась в него без памяти — он на скрипке играл, а на всех деревенских праздниках музыкант — это первый парень. Откуда в глухой деревне скрипка — уж не знаю. Она тоже ему приглянулась, стали они гулять. И этот парень все ей предлагал ночь вместе провести еще до свадьбы, мол, все равно у них уже сговорено пожениться. А времена ведь другие были, это сейчас топ-стоп — и в койку, а тогда... Мама с гневом отвергла все эти предложения: чтобы до свадьбы — ни-ни. Парень обиделся, принялся заигрывать с другими девчонками. А тут в деревне мой папочка нарисовался. Откуда он приехал, как попал в забытую Богом сибирскую деревню — семейная молва умалчивает. Стал тоже за матерью ухлестывать. А скрипач, увидя такое дело, возьми да брякни новому ухажеру: «Что ты с ней связался, у меня с ней все было, а ты дурак...» Ну и поползли по деревне слухи, что Моря, мама моя, до свадьбы себе «по-

Я красота брата никогда не понимала, как и того, почему женщины буквально рвали Леню на части

зволила». Тогда мама пришла к Василию, отцу моему будущему, и сама ему предложила: «Возьми меня и скажи всем, что я честная». Музыкант потом рыдал, прощения просил, умолял маму одуматься, но мама с ослиным своим упрямством вышла замуж за отца, которого никогда не любила. У папы было четыре класса образования, а мама вообще безграмотной всю жизнь прожила.

— **Но с отцом они не расстались?**

— 54 года вместе прожили. Но отец, видимо, так и не разбудил в жене никаких чувств, потому что мать рассказывала, что супружеские обязанности для нее всю жизнь были пыткой. «Как вы с братом родились — даже и не пойму». Как я теперь понимаю, они из-за этого всю жизнь и ссорились, даже под старость, когда мать категорически отказывалась лечь с ним в постель. Она его просила, помню: «Вася, полей цветы». Он ей в ответ: «Дашь, тогда полью». Она чертыхалась и сама шла цветы поливать. А им уж за семьдесят обоим было.

— **Что же все-таки их связывало?**

— Дети, во-первых, а во-вторых, отец любил ее безум-

В отместку за равнодушие отец люто изменял матери. Такие спектакли устраивал! Даже в лес ее водил вешать. Мама, зная его, спокойно одевалась и шла за ним

но и никуда от себя не отпускал. В отместку за равнодушие он люто изменял матери, но ревновал ее страшно. Такие спектакли устраивал! Даже в лес ее водил вешать. Мама спокойно одевалась и шла за ним, зная его актерство.

— **Он что, учился на актера?**

— Где там учиться! Но рассказчиком он был великолепным, однажды эти его рассказы услышал режиссер Саратовского драмтеатра — и с ходу пригласил его в труппу. Ему сразу же роли дали, а мы поселились в маленькой комнатенке за театром. Так что наша с Леной жизнь с младенчества со сценой связана: я уже в шесть лет выходила на подмостки в детских ролях, а Леня еще раньше.

— **А в семейных преданиях не сохранилось, почему вас назвали таким экзотическим именем — Римма?**

— Я у мамы спрашивала. Она так сказала: «Этот идиот где-то услышал и решил тебя назвать». Она отца только так и именovala. Когда ревность отца доходила до точки кипения, хотя мама ему и повода не давала, он срывал с места всю семью, и мы уезжали. Так он привез нас аж в Ашхабад, узнав, что местному театру требуются артисты. Но и там отец маму доставал страшно своей ревностью. В конце концов она решила от него уйти: уехать с Леной, а меня, пока не устроится, оставить с отцом.

И вот приходит отец вечером домой — я одна, так, мол, и так, мама от тебя ушла. Он рыдал! Потом начал слать ей слезные письма — знал, что мама могла поехать только к

**В роли Тани Брыкиной
(спектакль «Доброе имя»), 60-е годы**

своей сестре Гане. Он специально одел меня в рванье, сфотографировал и послал снимок жене, чтоб, значит, она мучилась, глядя, как дочке ее плохо. Наконец взял отпуск — и мы поехали к маме. На вокзале тоже сцену устроил — вроде как собрался под поезд бросаться. На самом деле расчет был на то, что я маме расскажу, как без нее отцу плохо: он даже жизни хотел себя лишиться! В общем, всю свою жизнь он играл — и в жизни похлеще, чем на сцене.

— **Теперь понятно, от кого у вас с братом актерский талант...**

— Конечно! Школу мы заканчивали в Вологде, где при театре была актерская студия. Мы с Леней сразу же поступили туда и попали к замечательному педагогу Лидии Давыдовне Ротбаум, между прочим, ученице самого Ивана Николаевича Берсенева, бывшего тогда художественным руководителем Театра имени Ленинского комсомола. Она нас сразу и «приговорила»: вы должны учиться в Москве. Отец тогда опять задумал переезд, на сей раз в Махачкалу, и по пути мы остановились в столице. Лидия Давыдовна перед отъездом просто потребовала, чтобы мы обязательно зашли в театр и показали Берсеневу, видимо, она ему о нас сообщила. И вот мы заявляемся в театр, и выходит к нам... лорд, по нашим понятиям. В великолепном сером костюме, белоснежной рубашке, в красной бабочке, с сигарой в углу рта — мы про такое только в романах читали. Прослушал нас и сказал: «Беру вас под свое крыло. Набор в студию начинается в январе, ждите вызова». В Махачка-

Отец специально одел меня в рванье, сфотографировал и послал снимок жене, чтоб, значит, она мучилась, глядя, как дочке плохо

ле мы всю играли в театре, причем Леня — главные роли героев-любowników.

— **Неудивительно при его внешности... Вы брата ревновали?**

— Никогда! Я его красоты никогда не понимала, потому что блондины для меня как мужчины не существовали, и никогда не могла понять, почему женщины буквально рвали *брала* на части. А в юности он вообще был как тифозная вошь — длинный, худой, белый... Он младше меня всего на два года, но я всегда считала его своим ребенком. Он ведь застенчивый, тихий такой, я побойчее... Леня впервые влюбился в нашу сокурсницу, и когда увидел, что к ней подошел какой-то парень, упал в обморок — такой был чувствительный. Всю жизнь я его оберегала, дрожала за него, да так и не уберегла...

— **Итак, вы дождалась вызова из Москвы?**

— Да, это случилось в декабре, родители в волнении принялись нас собирать. Жить нам было негде, ночевали на вокзале, пока об этом не прознал Берсенов и не разре-

54 года они вместе прожили. Но отец, видимо, так и не разбудил в маме никаких чувств

шил жить прямо в театре. Для нас это стало праздником, о котором можно только мечтать! Утром мы умывались и садились на диванчик при входе, а мимо нас проходили артисты, весь цвет тогдашнего Ленкома — Гиацинтова, Бирман, Серова. Однажды Серова — тогда она была в зените славы — вручила нам царский подарок — два куска мыла, хозяйственное и «Земляничное». Все равно что сейчас французские духи в подарок получить.

— И долго вы жили за кулисами театра?

— До самых экзаменов, а они начались в середине января. Потом Иван Николаевич выбил нам комнатку в общежитии Энергетического института. Он нас очень любил, нас все так и называли: «фавориты Берсенева». Меня и брата — единственных из студентов — он взял во вспомогательную труппу, чтобы биии хоть какие-то деньги на жизнь. А Леня сразу же начал вводиться в спектакли.

— Москва, театр, вы — красавица-студентка, наверное, и ухажеры сразу появились...

— Я самозабвенно училась, мечтала посвятить себя театру и ничего другого вокруг не видела. А то, на что вы намекаете, случилось на каникулах в Махачкале, куда я ездила навестить родителей. Там ведь море необыкновенное, песчаные, почти безлюдные пляжи — я каждое утро бегала купаться. И вот однажды захожу в море и

чувствую на себе пристальный взгляд. Объект разглядела, когда уже обратно выходила, — мужчина с великолепной фигурой, немного лысоватый смотрел на меня в упор. Я села под «грибок», он — под соседний. Иду купаться — он тоже. Я из моря — и он следом. Потом пошла на хитрость — переместилась под другой «грибок» — и он, конечно, тоже пересел поближе. Так проходит день, два... Меня уже любопытство начало раздражать, и уже не он меня, а я его начала ждать и искать. Чувствую, что влюблена в него, а он ко мне так и не подходит.

Принялась искать его в городе. Иду вечером по бульвару, где вся молодежь гуляла, и вдруг он мне навстречу! Я, конечно, делаю тифозное лицо, а сердце прямо выпрыгивает из груди. Мы приближаемся друг к другу, сейчас разминемся! И тут он наконец говорит: «Добрый вечер». Садимся на скамеечку. Он предлагает мне... бутерброд. Сидим молча, жуем. Потом выясняется, что Семен — военный летчик, в отпуске, про меня знает абсолютно все — и про Москву, и про театр... И начинается такая любовь, какой, наверное, больше в моей жизни уже не случилось...

— Как же он за вами ухаживал?

— Красиво! Цветы охапками возил каждый день. На мотоцикле. Я по звуку мотора задолго догадывалась о его приближении, и сердце начинало колотиться как

Во время выступлений на городском стадионе. Уральские гастроли с «поездом искусств», 80-е годы

бешеное. Узнал, что люблю арбузы, а еще был не сезон для них, так он где-то достал и привез мне домой целый мешок. Целовались, а я все ждала: вот-вот должно произойти что-то такое особенное...

— **И как — это произошло?**

— Я вся горела от нетерпения, и сама его спросила, почему он меня не берет. Он ответил, что хочет, чтобы я стала его женой. Я, конечно, тут же согласилась.

И вот мы поехали на рыбалку куда-то в район Каспийска. Обстановка самая романтическая — море, свежая уха на берегу, звезды огромные над головой. Я понимала, что сейчас это произойдет прямо здесь, под яркими звездами. Чтобы было не очень стыдно, голову замотала полотенцем — так, чтобы лица не видеть. Но поскольку он волновался больше меня, у нас тогда ничего толком не получилось. Во всяком случае я ничего не испытала. А утром Семен пришел к родителям просить моей руки.

— **Особенно интересна реакция вашего папы.**

— Именно, ведь он везде за мной ходил с молотком в кармане — ухажеров отгонял. А тут не углядел.

— **Значит, ухажеры все-таки были?**

— Однажды в Махачкалу приехал Марк Бернес и увидел меня на пляже... Потом, уже в Москве, мой однокурсник записывался вместе с ним на радио, и Бернес просил о встрече со мной. Он тогда не был женат и просил передать, что у него самые серьезные намерения. Много было таких историй...

— **Ну а как же Семен?**

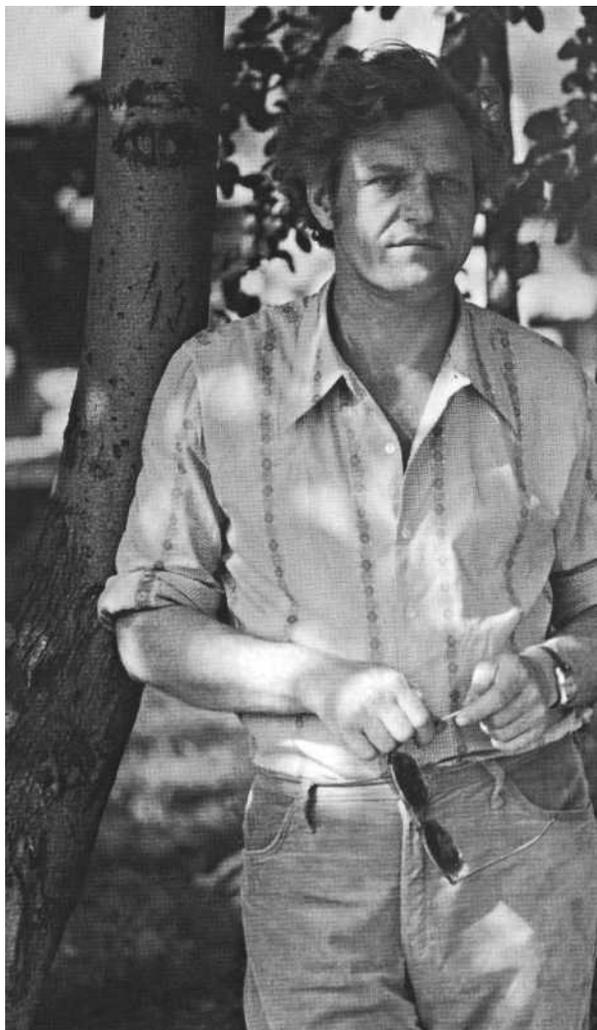
— Ему надо было уезжать в часть, и он требовал, чтобы я бросила театр. Я, конечно, отказалась и вернулась в Москву. А вскоре поняла, что беременна. Продолжала самозабвенно учиться и однажды на уроке танцев так отплясывала, что случился выкидыш... Семен писал письма, обращаясь ко мне всегда одинаково: «Девонька из пены морской», звал меня — его переводили из Махачкалы куда-то в Грузию. На следующие каникулы его уже в городе не было — а для меня жизнь померкла: реву, чувствую, жизни без него нет. И вот однажды приезжает к нам солдатик, привозит от Семена письмо, где он меня опять зовет к себе. Солдатик не уходит — без вас, говорит, мне возвращаться не велено. Отец ругается, обзывает его «старым искусителем», а мама сказала: «Поезжай!»

— **Неужели вы поехали?**

— Поехала! Приезжаю в Гори, выхожу на перрон — а его нет. Уже все люди разошлись, вокзал опустел, а его все нет. У меня как будто оборвалось все внутри — ну кончена жизнь, и все тут! Бреду по пустынному перрону, какой-то грузин принялся меня опекать, привел в гостиницу. Сажу в номере, смотрю в окно и слышу... звук мотоцикла: он едет! С огромным букетом, сзади его сын сидит, Сережа — Семен ведь старше меня был на 17 лет. Я смотрю в окно, как он с белыми розами по перрону бегаёт: одну электричку встречает, другую. Потом уехал. Вдруг снова едет, уже без сына — снова поезда встречает. А я все смотрю. Потом приехал уже с сильно увядшим букетом — снова по перрону бегаёт. А я сижу...

— **Ну, Римма Васильевна, у вас каменное сердце!**

— Не каменное, просто оно уже ничего не чувствовало — и все. Пошла прогуляться по городу, когда Семен уже отчаялся меня встретить. Иду — и слышу мотоцикл. Хотела спрятаться, да некуда — вдоль забора шла. Ну, он меня

Леонид Марков незадолго до смерти

схватил, повез к себе. Целует, не знает куда усадить, стены его комнаты сплошь увешаны моими фотографиями. Я себя уговариваю, вспоминаю, как от него с ума сходила, — но нет, ничего не чувствую. И ночью он меня ласкает, целует, а я холодная, как собачий нос. Два дня так промучилась. «Все, — говорю, — ехать пора, у меня занятия начинаются». Как он меня ни уговаривал — уехала. Смотрю на него из окна поезда, тут во мне папино актерство проснулось, и я крикнула очень театрально: «Прощай навсегда!»

— **И вы больше никогда не виделись?**

— Никогда. Однажды уже довольно известной артисткой выступала в каком-то городе и мне прислали букет белых роз. Сказали, что от летчика. Я сразу поняла, что от Семена. Но увидиться нам больше не довелось...

— **Ну, знаете, с таким характером вам, наверное, не только в личной жизни сложно...**

— Да, уж такой родилась и другой не буду. Из Ленкома ушла, хотя первая же моя роль была очень удачной.

Влюбилась я по уши в своего Володечку — высокого, статного, черноволосого, да к тому же на девять лет моложе меня

ло, я была безумно строга. Еще в Ленкоме один дамский сердцеед, который меня долго добивался, но так и не добился, сказал обо мне: «Да скорее волосы вырастут на голове у лысого, чем она уступит». Он, кстати, был лысым.

— Но баянисту вы все же уступили...

— Так я же говорю — влюбилась по уши в своего Володечку — высокого, статного, черноволосого, да к тому же на девять лет моложе меня. Он очень красиво ухаживал, не отходил от меня ни на шаг. А потом разъехались: он — к себе в Куйбышев, я — в Москву. И тут я поняла, что беременна. Обрадовалась несказанно, очень ребенка хотела. Через три месяца Володя Никитин приехал в Москву, нашел меня. Я прямо таяла от счастья, он тут же мне предложение сделал, не зная даже о моем положении. И будто меня черт какой дернул, решила я ему проверку устроить. Созналась, что беременная, но не сказала, что от него. Он и пропал на несколько недель. Я ры-

Собираясь стирать Володины вещи, я обнаружила телеграмму молодой, известной тогда актрисе с подписью «Целую. Твой Вовик»

После роли Фроси в спектакле «Вторая любовь» Берсенев, который в брате Лене души не чаял, сказал, что десять ролей Маркова не стоят этой роли Марковой... Но Берсенев вскоре умер, к сожалению, а меня сократили, потому что нужно было трудоустроить на мое место дочку одного известного чтеца. Три месяца я лежала в кровати и ревела, решая, каким способом лучше покончить с собой. А потом артисты театра написали письмо в ЦК КПСС, и меня вызвали в отдел культуры. Я пришла, начальник мне говорит: «У вас десять минут, потом у меня совещание». А я в ответ: «Я буду говорить три часа. И если вы меня не выслушаете, я немедленно, прямо здесь, выброшусь из окна». Он слушал три часа, меня восстановили в театре, и я сразу же написала заявление об уходе.

— Как же вы все-таки вышли замуж со своим сложным характером?

— А влюбилась! Я после Ленкома несколько лет работала в Москонцерте, участвовала в дурацких эпохальных постановках типа «Огни Сибири», где у меня роль без слов — я какую-то сибирскую речку изображала, представляете? И вот однажды на гастролях познакомилась с музыкантом из Куйбышева — он великолепно играл на баяне. И он, и я приехали на гастроли позже остальных, там все уже перезнакомились и перевлюблились. Ну мы как-то и притулились друг к другу. Ночи напролет сидели в холле гостиницы и разговаривали, о чем, убей — не вспомню. И хотя мне уже за 30 перевали-

На всех патриотических праздниках я всегда изображала Родину-мать

На фестивале в Испании я познакомилась с Антонио. Нонна Мордюкова почему-то называла его Полечка. Испанец был очень хорош, но я его не любила

В роли Татьяны Марковны Бережковой в кинофильме «Обрыв», 1983 г.

даю в отчаянии, а Лена меня ругает: «Дура ты последняя, кто ж такие проверки мужикам устраивает?»

— **Папочкины гены, никуда не денешься!**

— Да... Но он появился — помятый, серый. Я думаю, что Володя от переживаний сильно пил. Ну, он и сказал, что любит меня, что беременность не помеха... И до самого рождения дочери так и не верил, что ребенок его. А уж когда Танюшка родилась — вылитая копия своего папаша — поверил, полюбил ее безумно.

— **А как он устроился с работой?**

— Замечательно — его тут же взяли в Москонцерт, он аккомпанировал самой Лидии Руслановой! Но... выпивал сильно. Гастроли, пьянки, ну и, сами понимаете, женщины. Я не хотела верить, никогда ничего не проверяла — боялась горькой правды. Но однажды он приехал с гастролей, бросил свой чемодан и убежал. А я, собираясь стирать его грязные вещи, обнаружила там его телеграмму молодой, известной тогда актрисе с подписью «Целую. Твой Вовик».

— **Развод последовал немедленно?**

— Нет... Я ведь любила его, да и дочке было всего года два. Побежала советоваться к подруге — мудрейшей женщине, с которой долго работала в Москонцерте, к Валечке Улесовой. Она мне сказала: «Важно узнать, влюблен он в нее или это просто так, кобеляки».

— **И что же оказалось?**

— Влюблен. Поехали мы вскоре к дочке на дачу, а он эту дачу терпеть не мог. Ложимся ночью спать, а он мне: «Устал, извини». Я всю ночь не спала, монологи в голове проговаривала, как ему скажу, что все знаю. Слышу утром, часов в шесть, он через меня перелезает и тихонько спускается в сад. Я встала за штору, смотрю. А он цветет и за забор бросает. Потом умылся. Собрался. За-

писку мне оставил, что в город ему срочно нужно какие-то ноты куда-то отдавать, и уехал. Я за ним. Но дома, конечно, ни его, ни цветов не оказалось. Вечером мы с ним еще в кино сходили на фильм с символическим названием «Развод по-итальянски». А уж после кино я ему все и выдала. Он ключи оставил и ушел.

— **Так просто?**

— Да нет, не просто. Я рыдала и об стенку головой билась. .. И грязи много всякой было. Да что теперь об этом говорить...

— **Зато второй ваш муж был испанцем — про это писали в газетах.**

— Тогда, мне уже было за 40, я снялась в «Бабьем царстве» и моими портретами всю Москву обклеили. На фестивале в Испании я познакомилась с Антонио. Моя тогдашняя подруга Нонна Мордюкова почему-то называла его Полечка. А замуж за него вышла из страха, потому что тогда не только за связь с иностранцем, но и за простое знакомство можно было лишиться всего, даже жизни. Испанец был очень хорош, но я его не любила. Любовник он был отменный — что да, то да. Помню, он приезжал, так мы по несколько дней из квартиры не выходили, всю крупку подбедали, потому что некогда было в магазин сбегать.

— **Вы сказали — приезжал. А что ж вы к нему не поехали?**

— Боже сохрани! Хотя он так меня звал! И не только в Испанию. «Ткни, — говорил, — пальцем в карту, там мы и будем жить». Но уехать из России для меня означало то же, что умереть. Я ведь и ребенка могла родить, но от мысли, что Антонио его отберет или мне придется за ними ехать, с ума сходила и допустить рождения этого ребенка не могла. Кстати, мы с Антонио до сих пор не разведены — у меня и штамп в паспорте стоит.

Запомните: самый худший муж лучше самых прекрасных детей. К этому все приходят, но, к сожалению, слишком поздно...

У меня был долгий роман с одним известным актером. На каком-то банкете он подошел ко мне, а я возьми и брякни: «Чего это ты на такой страхуидле женился?»

— **А что для вас самое ценное в отношениях мужчины и женщины?**

— Момент, когда ничего еще не произошло, но уже знаешь, что произойдет. А потом начинаются проблемы — мужики ведь в своей болтливости хуже баб. У меня был долгий роман с одним очень известным актером, он много моложе меня, не буду называть его фамилию. После того как мы расстались, он женился. И на каком-то банкете я его встречаю вместе с женой. Он подошел ко мне, а я возьми и брякни: «Чего это ты на такой страхуидле женился?» И вдруг через какое-то время его жена подплывает ко мне и спрашивает: «Римма Васильевна, вы правда считаете меня некрасивой?» Я, испытывая некоторую неловкость, начинаю убеждать ее, что ее муж пошутил, что я ничего такого не говорила... А он вылезает из-за ее спины и спрашивает: «Может, ты еще скажешь, что и со мной не спала?» На что я радостно всплеснула руками: «Вот видите, я же говорю: он у вас большой шутник!»

Господи, ну что взять с этих существ, у которых одна извилина, переходящая в прямую кишку?!

— **Просто страшно вам дальше задавать вопросы о мужчинах! По-вашему, все мужчины одинаковые и женщинам не нужны?**

— Почему не нужны? Их надо употреблять для здоровья. ..

— **Вы и дочери своей то же советуете?**

— Конечно. У нее уже был опыт супружеской жизни, чтобы убедиться в правильности моих слов.

— **Но бывают же счастливые семьи, верные мужья и жены...**

— Знаете, мой добрый друг Михаил Андреевич Глузский однажды предложил тост за свою жену: «Я по трамвайному билету выиграл миллиард в ее лице».

А чтобы окончательно заморочить вам голову, я вот что скажу. Женщины от многого отказываются во имя всепоглощающей любви к детям или чего-то другого, и очень многие из них остаются в итоге одни. Так вот запомните: самый худший муж лучше самых прекрасных детей. К этому все приходят, но, к сожалению, слишком поздно...

Беседовала Анастасия Маленкова